

В поисках самих себя

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор исторических
наук, кандидат
философских наук

Достаточно безуспешные попытки последних десятилетий осмыслить происходящее в форме либо национальной идеи, либо иного теоретического системного продукта в своей основе имеют слабость и недостаточную развитость отечественного философского знания и соответствующей традиции. Можно сколько угодно утверждать об огромных достижениях национальной философской школы, но достаточно сформулировать несколько простых вопросов для того, чтобы понять: здесь предстоит пройти еще большой путь и приложить немало теоретических, интеллектуальных усилий.

Попросите любого успешного студента перечислить национальных философов масштаба Конфуция и Платона либо не столь высокого уровня. В лучшем случае и достаточно традиционно вам назовут имена крупных белорусских писателей конца XIX – начала XX века. В худшем – ответа вообще не последует. Перелистав учебники и специальные словари стран-соседей в поисках крупнейших национальных философов, вы рискуете и вовсе испытать полное разочарование. Попытки известных белорусских специалистов решить эту проблему путем написания многочисленных книг про выходцев из нашей страны, добившихся замечательных результатов за рубежом, дело

спасают мало. Кстати, это касается не только философов...

Когда сегодня говорят о трудностях формулирования той же национальной идеи, неудовлетворительности теоретических результатов этого процесса, то здесь налицо не только факторы объективного порядка: скажем, идея «не вызрела». Речь и о том, что мы просто не готовы еще к решению задач такого масштаба и уровня. Но вместо того чтобы признать этот факт и сконцентрировать усилия для системного решения проблемы, в частности в общественном сознании, мы пытаемся убедить себя, что дело не в необходимости формирования соответствующей традиции, а в том, что мы ее просто не знаем. Мол, крупные философы, соответствующая традиция на самом деле имеются, но нам все это неизвестно в силу упущений в образовательном процессе или личной ангажированности (знать таких не хотим).

Все сказанное вовсе не означает, что сегодня философский цех страны ограниченно дееспособен. Сильная философская школа есть в Гродно, ряд известных специалистов успешно работают в Минске. В последние десятилетия вышли заметные энциклопедические издания, учебные пособия, монографии. Соответствующая библиография хорошо известна, и приведение ее в рамках данной публикации нецелесообразно. Но отдельные, пусть и заметные, успехи не меняют ситуацию в целом. Говорить о том, что философы вышли за пределы локальных достижений и заявили о себе в обществе как серьезный интеллектуаль-

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский государственный университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980).

В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ.

С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета.

С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

ный компонент национального развития, все же сложно. В связи с этим остановимся на некоторых существенных моментах, профессиональный консенсус в отношении которых поможет продвижению вперед.

Вначале – о масштабе проблем, которые ставятся. Великие философские системы – Маркса, Гегеля, Канта – создавались на основе новой интерпретации достаточно известных понятий, в результате чего формировался новый взгляд на мир. Понятно, что это плоды усилий титанов, равняться на которых достаточно сложно. Но вместе с тем создается впечатление, что такого рода задачи сегодня вообще не ставятся, планка требований (со стороны редакторов, научных руководителей, личных) существенно снижена и большинство работ формируется по известному стандарту. Откройте сборники научных статей. Нетрудно заметить, что большинство материалов – локальные по характеру и духу. Более того, происходит как будто сознательное сужение поля, предмета исследований. Скажут: а что в этом плохого, в этом как раз и заключается цель написания статьи. Допустим. Но если абсолютное большинство материалов тех же научных конференций сугубо локальны, то какова сверхзадача проведения этих и иных научных форумов? Разве, сложив локальные достижения, мы автоматически получим некую целостность? Возможно, до поры некоторые полагали, что так оно и есть. Однако, когда возникла необходимость решения сложной системной проблемы (формулирование стратегии национального развития, национальной идеи, например), то воспитанные именно на локальных задачах кадры впали в теоретический ступор.

Вывод очевиден: для решения системных задач обобщающего порядка нужна постановка проблем не просто высокого теоретического уровня, а по-настоящему масштабных. В том, что пока это отсутствует, во многом, по-видимому, сказывается наследие советского теоретического прошлого. Кадры той поры были приучены к тому, что все системные вопросы решены раз и навсегда: читайте диалектический материализм и вникайте в материалистическое понимание истории. Все, что оставалось, это развивать марксизм-ленинизм в новых исторических условиях, совершен-

ствовать его и т.д. Реликты подобного мышления наблюдаются и сегодня.

Возьмите требования, которые наш уважаемый ВАК формулирует по отношению к нынешним аспирантам, диссертантам: научная новизна, самостоятельность, но на одном из первых мест находится все же практическая значимость. При этом она часто рассматривается исключительно в рамках денежного эквивалента, то есть, что и как можно получить (соискателю, обществу, государству) в результате применения наработанных диссертантом результатов. Тогда как в обществоведении, надо полагать, акцент должен быть несколько иным: что дала диссертация в плане реальных, системных мировоззренческих, идеологических результатов, пусть даже альтернативных господствующим. Даже если перед этими текстами не стоит предикат «научный».

И никого не должна пугать «оторванность от жизни» тех или иных материалов. Почитайте труды нобелевского лауреата Альбера Камю – там ведь не только «жизнь», «практика», но и понимание их абсурдности. Найдите «Мифу о Сизифе» денежный эквивалент. Перелистайте работу Николая Федорова «Философия общего дела». Общее дело – это ведь воскрешение (реальное) всех ушедших ранее поколений людей. Вот такая практика, такой «выход к жизни». От философии не стоит ждать рекомендаций сугубо прагматического характера. Более того, единой философии нет, не было и никогда не будет, результаты философских исследований могут и должны быть разными, даже диаметрально противоположными. От философии не нужно требовать «объективной истины» в марксистском понимании: относительно истины есть и будут вечные споры. Но вот чего можно ждать от философии в практическом аспекте – это попыток интерпретации (переинтерпретации) известных понятий, явлений, теоретического знания и формулировки нового взгляда на мир.

Сегодня мы достаточно часто декларируем необходимость осмысления новой исторической реальности, в которой оказалась Беларусь в условиях независимого развития. Задача философов здесь заключается вовсе не в том, чтобы приложить какую-либо известную методологическую (парадигмальную) кальку к конкретно-

историческому направлению развития и возвестить истину. Речь о другом – о важности изучения, анализа и формулировки характера и качества этого национального развития, фокусировке внимания на его сущностных чертах, выборе существенного и дисквалификации вторичного и на этой основе обосновании смысла происходящего. Может статься, что этих «смыслов» окажется несколько? Очевидно, да. Но суть не в том, кто прав, а кто нет, а в том, что наличие альтернатив отражает сам ход противоречивого общественного развития и дает основание для выбора национальной стратегии. Много ли сегодня мы можем назвать таких интеллектуальных стратегий? Ответ, увы, напрашивается неутешительный.

В этом нам не обойтись без персонализации интеллектуального процесса. И это вовсе не констатация особой жажды признания со стороны философов, не стремление воплотить в жизнь известный завет Платона, согласно которому они должны править миром. Дело в объективных основаниях процесса мышления в этой сфере, где личность и ее идеи не могут быть отторгнуты друг от друга. Можно одновременно прийти к научному результату в сфере естествознания: открыть радио, расщепить атом и т.д. Но нельзя одновременно сформулировать социологическую теорию в том виде и форме, как это сделал, например, Питирим Сорокин. Нельзя сесть и написать – даже в одну историческую эпоху – работу уровня труда Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Нельзя сформулировать идею теократии так и в такой форме, как, например, Владимир Соловьев, и второй раз написать «Уединенное» или «Опавшие листья», как это получилось у Василия Розанова. Философия действительно близка искусству, и все то, что пишет философ – это его личное творение, которое повторить практически невозможно.

Не надо бояться этого пресловутого субъективизма в общественном знании.

Мы с советских времен воспитаны так, что нам подавай истину, желательную проверенную экспериментально, доказанную, неоднократно верифицируемую. Позитивистские подходы живучи, главным образом вследствие желания найти именно то основание, на базе которого выска-

занным мыслям будет присущ характер естественно-научных результатов. Это старая и большая проблема общественно-научного знания, не будем в нее углубляться. Отметим главное: в философии мысль носит личный характер и «объективировать» ее можно лишь с очень большими теоретическими натяжками, создавая все новые и новые предметные поля для дискуссии. Мы говорим о силе земного притяжения, не вспоминая того, кто впервые сформулировал и обосновал эту идею. Но нам сложно говорить о теории общественно-экономических формаций без привязки к имени Маркса. Хотя, надо признать, именно Карл Маркс сделал чрезвычайно много для того, чтобы превратить общественное знание, в частности историю, в науку, отсюда известное материалистическое понимание истории. Пиетет к позитивизму понятен и обоснован: именно таким образом специалисты пытаются «онаучить», в частности, философию, историю, придать им привычный для естествоиспытателей экспериментальный, верификационный вид. Но теоретический протест против позитивизма столь же очевидно носит не только исторический характер, он коренится в самой сути философского знания.

Кто-то скажет: такой подход может привести к появлению множества взаимоисключающих концепций, где каждый волен говорить, что желает. Но, во-первых, вся предшествующая история развития знания свидетельствует о том, что опасность «множества концепций» скорее надуманная. «Бросить» мысль – это одно, но развить ее, представить в виде системы, обосновать выбор теоретических приоритетов и выйти за пределы интеллектуальной местечковости – это удел лишь определенной категории людей. Во-вторых, альтернативность теоретических результатов, в том числе и философских, не просто «нормальная» практика научной деятельности. Это единственный путь развития теоретического знания, отражающий всю противоречивость социума и невнятность в понимании перспектив развития. В связи с этим можно обосновать тезис о том, что у нас в стране превалирует стремление выйти на некую одну «правильную» мысль, единственно верную идею, которая позволит осмыслить происходящее и ближайшее будущее в максимально ясных и понятных большинству

категориях. Но это вряд ли осуществимо. Философы Серебряного века в Российской империи были признаны истинными творцами вовсе не потому, что они наконец-то пришли к консенсусу. «Правды» и «истины» у Н. Бердяева, Д. Мережковского, Н. Лосского, К. Леонтьева, С. Булгакова и многих иных были столь разноплановыми, что скорее можно было говорить об интеллектуальном диссонансе, нежели о гармонии. При этом совокупными усилиями была создана та среда, которая вошла в историю как время расцвета национальной философской мысли.

Данная аналогия вполне применима к анализу коллизий сегодняшнего дня. Иными словами, реальное продвижение вперед возможно лишь тогда, когда будут восприняты и отработаны различные методологические установки, марксизм и постмодернизм, аксиология и этический компонент, религиозная эсхатология и позитивизм. Когда можно будет говорить о наличии серьезных и глубоких трудов, написанных с точки зрения прагматистского подхода, аналитической философии, экзистенциальных установок. Когда появятся работы, на первый взгляд имеющие мало общего с философией, но философские по сути, по формулировке новых смыслов, новой интерпретации имеющегося знания. Вспомним в качестве примера того же Василия Розанова – в его произведениях не найти ни классической онтологии, ни постановки и решения гносеологических проблем. Но насколько глубоко его понимание человека, общества, насколько велик его вклад в анализ «сиюминутного», «интимного», всего того, что до этого находилось на периферии внимания представителей философского цеха.

Точно так же – с системами знания. Принято утверждать, что в нашей (в широком значении) философской традиции истинным систематиком в гегелевском духе был вообще лишь один Владимир Соловьев. Пожалуй, мыслителя подобного уровня славянам ждать еще долго. Но стремиться к системности изложения, тем не менее, необходимо. Ведь фактически каждая известная философская система отражает характер и сущность того времени, в рамках которой она создается. Любой подлинный философ живет в рамках конкретного социума, и, даже рассуждая о вещах «вечных» и пре-

дельно абстрактных, он говорит о себе и об окружающих его людях. Философ – плоть от плоти эпохи, хотя это вовсе не означает, что его мысли, идеи существуют лишь в рамках данного социума. Философы по-разному могут осмысливать одну и ту же эпоху, но это как раз естественно и продуктивно. А вот попытки привести наше понимание к некоему общему знаменателю могут принести вред.

Обратимся к нашей эпохе, понимая под ней как период становления реальной белорусской государственности, так и – в более широком плане – современную форму глобализационного мироустройства. Прежде всего, что можно сказать о характере и сущности самой эпохи? Она оптимистична или ее перспективы тревожны и эсхатологичны? Ее динамика свидетельствует о позитивных тенденциях или стагнационные моменты преобладают? А может, вообще имеет смысл вести разговор о «повторении пройденного», о том, что «нет ничего нового под солнцем»? Самый яркий пример – события на Украине, жестокая война. Ведь вовсе не случайно реанимируются недоброй памяти понятия «агрессия», «фашизм», «ненависть», «национализм». Представители старших поколений легко находят исторические аналогии. Но если все это перевести на философский язык, то мы вправе констатировать: социум движется по некоему кругу, явно порочному.

Теория исторического круговорота достаточно популярна, ее активно разрабатывают теоретики с незапамятных времен, и поэтому кто-то и сегодня может утверждать: вот новое доказательство этой старой истины. Все, что нам остается, это ждать, когда общество двинется дальше – чтобы вернуться все к той же точке: взаимной ненависти, убийствам ни в чем не повинных людей, новому переделу мира. Это один из альтернативных вариантов понимания эпохи и предпосылок ее развития. Конечно, существуют и иные трактовки сути переживаемой нами эпохи. Мы можем, например, утверждать, что национальные приоритеты сегодня обусловлены становлением впервые ставшей реальностью белорусской государственности, и в этом контексте сложно говорить о каких бы то ни было «круговоротах» или традициях. Какое может быть «повторение пройденного», если фактически все строится заново: и элиты, и

политическая структура, и экономический фундамент, и т.д.

Возможно и иное понимание эпохи, связанное с появлением конкретной личности, которая не просто поставила перед обществом некую высокую цель, но и инициировала соответствующие процессы, осуществила жесткие прагматические и не всегда популярные действия в рамках ее достижения. В конечном счете, все зависит от угла зрения, подхода, понимания методологических приоритетов. Другими словами, было бы замечательно, если бы национальная философская мысль рассмотрела характер эпохи во взаимоотноисключающих парадигмах знания, на основе различных методологических подходов. От классических, рациональных – до неклассических, постмодернистских, с привлечением арсенала таких наук, как семиотика, феноменология, герменевтика и т.д. Наверняка возникла бы потребность и в «новой интеграции» знания, теоретическом совмещении всех достижений гуманитарной мысли и новых методологических концептов на основе уже «новой рациональности».

Постижение характера современной эпохи, ее перспектив в контексте национального развития – дело, конечно же, не одного ума, пусть универсального. Нужны усилия многих представителей национальной школы, отечественного Института философии. Нужна соответствующая программа и соответствующий коллектив авторов, который рассмотрит данную тему. Неизбежные в этом случае разночтения и столкновение позиций нужно воспринимать как проявление нормы.

Здесь важен не только сугубо «эпохальный» момент, достаточно абстрактный. Любой разговор об эпохе имеет прямое отношение к каждому человеку, каждому гражданину. Вспомним изречения советских времен: от «наши дети будут жить при коммунизме» до «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Отвлечемся от того, где здесь правда, а где ее, скажем мягко, искажение. Отметим иное: заданное таким образом понимание перспектив общества формировало (и успешно!) соответствующий психологический настрой, понимание не только общегосударственных, но и личных перспектив. Ведь и поднимать целину, и строить БАМ ехали

с искренней верой в правильность как тех целей, которые ставились перед людьми, так и собственного выбора. И вера эта не разрушала, а помогала строить и жить. Диалектика должного и сущего здесь, вообще-то, достаточно сложная.

Чтобы быть понятным, напомним статью одного московского литератора, которая называлась «Обмани меня». Автор, дитя эпохи, циник и прагматик, писал о том, что работники сферы обслуживания на Западе улыбаются посетителям не искренне, а по принуждению, желая заработать денег: «вежливая обслуга» входит в перечь услуг. Наши работники, в отличие от заграничных, честны: не любя, а иногда даже ненавидя посетителей, они своих чувств не скрывают. Автор статьи предпочитает, чтобы его вводили в заблуждение, как на Западе, призывая, по сути, к обману: покажите, что вы меня любите, что я вам нужен. Даже если вы сделаете это неискренне, я буду вам благодарен.

Нечто похожее можно утверждать и по поводу идей, лозунгов, призывов. Ведь никто не может сказать с полной уверенностью и на основе «железобетонных» аргументов, что тот или иной лозунг, та или иная цель правдива, истинна и непоколебима. Нет ни таких людей, ни такого характера целеполагания. Следовательно, на первый план выдвигаются иные критерии, связанные, прежде всего, с пониманием характера национальных приоритетов, общей гуманистической ориентированностью стратегии, сложившимися традициями и т.д.

Обратим внимание, что сегодня никто фактически не заявляет, что «перед философами стоят задачи стратегического характера, высокой общественной значимости». Перед кем такие задачи только ни стоят – перед работниками деревообработки и машиностроения, перед учителями, медиками и соработниками... А вот перед философами – не стоят. Может быть потому, что как раз философы и должны ставить такие вопросы? Но, очевидно, недооценка соответствующего сегмента знания – это дань господствующему ныне в обществе настроению, основанному на прагматизме и креативности. Опасная тенденция, поскольку в основе любого философского тезиса – слово «думать». А ведь если не думать – то жить как? ▀